

ОБРАЗ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Николай Герасименко

*Херсонский государственный аграрный университет***Анотації:**

Тематике идентичности грех жаловаться на дефицит внимания к себе со стороны социально-гуманитарных наук. К сожалению, многословие зачастую сопровождается скудостью мысли – особенно мысли критической, умеющей распознать проблемные аспекты, которые способны повлечь за собой фатальные деформации индивидуального и общественного бытия. К примеру, какой мировоззренческий и концептуальный акцент социально более значим и ценен – аутентичность, адекватность себе или же нивелирование своих сущностных особенностей, личностная мимикрия в угоду конъюнктуре политической целесообразности, социокультурного доминирования и прагматизма повседневности? А ведь обществу, культивирующим разные подходы, в недалёком будущем будут присущи не только существенные качественные отличия; эти социумы окажутся категорически, принципиально и бескомпромиссно несовместимы – на мировоззренческом, ментальном, аксиологическом и телеологическом уровнях.

Герасименко Микола. Образ ідентичності як соціальна реальність.

Тематиці ідентичності гріх скаржитися на дефіцит уваги до себе з боку соціально-гуманітарних наук. На жаль, багатослівність часто супроводжується вбогістю думки – особливо думки критичної, яка вміє розпізнати проблемні аспекти, здатні спричинити фатальні деформації індивідуального й суспільного буття. Наприклад, який світоглядний і концептуальний акцент соціально більш значущий і цінний – автентичність, адекватність собі чи нівелювання своїх сутнісних особливостей, особистісна мимікрія на угоду кон'юктурі політичної доцільності, соціокультурного домінування і прагматизму повсякденності? Але ж товариствам, які культивують різні підходи, в недалекому майбутньому будуть притаманні не лише істотні якісні відмінності; ці соціуми виявляться категорично, принципово й безкомпромисно несумісні – на світоглядному, ментальному, аксіологічному та телеологічному рівнях.

Herasymenko Mykola. The image of identity as a social reality.

The subject of identity should not be complaining about the lack of attention to itself from social sciences and humanities. Unfortunately, the verbosity is often accompanied by the lack of thought – especially it refers to critical thinking which knows how to recognize the problematic aspects that can cause a fatal deformation of individual and social life. For example, which philosophical and conceptual focus is socially more significant and valuable – authenticity and the adequacy itself or leveling of its essential features, personal mimicry for the sake of political expediency, socio-cultural domination and the pragmatism of everyday life? And after all, the societies which cultivate different approaches will be characterized in the near future not only by significant qualitative differences; these societies will be strictly fundamentally incompatible and uncompromising on different levels such as philosophical, mental, axiological and teleological.

Ключові слова:

идентичность, идентификация, самость, социальная ценность, концептуальные приоритеты, личностный суверенитет.

ідентичність, ідентифікація, самість, соціальна цінність, концептуальні пріоритети, особистісний суверенітет.

identity, identification, self, social value, conceptual priorities, personal sovereignty.

Термин «образ» в заглавие статьи вынесен не случайно: проблематика идентичности как социальной ценности настолько полиаспектна и контраверсионна, что понятийный уровень её осмысления и выражения оказывается неэффективным и неуместным ввиду своей недостаточной когнитивной, феноменологической и эвристической глубины. В случае подобных эпистемологических и гносеологических трудностей недостатки «плоскостного» понятийного уровня подлежат исправлению при помощи мифопоэтического образа, обеспечивающего при помощи интеллектуальной интуиции объёмное, комплексное, полиаспектное, системное представление о предмете исследования.

Значимость обращения к проблеме идентичности определяется тем, какое место в общей структуре личности отводится этому феномену исследователями. Многие авторы подчеркивают, что идентичность является одним из факторов, образующих философскую основу сознательного поведения [11, с. 26–27]. Нарастающий интерес ученых к идентичности как социальной ценности определяется сложностью и противоречивостью этого

феномена, его ролью в адаптации личности к социальной динамике (Г. Андреева, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Солдатова, В. Ядов).

В современной социальной философии проблема идентичности широко представлена как один из ключевых аспектов теории социального познания (А. Тэджфел, Дж. Тернер, И. Уолкер), кросс-культурной социологии и теории этнического взаимодействия (Н. Лебедева, Г. Солдатова, Т. Стефаненко, В. Тишков, В. Хотинец). Ключевое значение для корректного осмысления идентичности как социальной ценности имеют: теоретико-методологические исследования феномена идентичности, осуществлённые П. Бергером, Ч. Кули, Дж. Марсиа, Дж. Г. Мидом, Дж. Тернером, Г. Тэджфелом, З. Фрейдом, Э. Эриксоном); исследования проблематики жизненных перспектив личности (К. Абульханова-Славская, Г. Андреева, К. Платонов); концептуальные подходы к анализу и ранжированию ценностей (Б. Братусь, Ф. Василюк, Д. Леонтьев).

Можно выделить несколько теоретических подходов, которые определяют особенности дискурса по поводу проблематики идентичности: *психоаналитическое направление* (З. Фрейд,

Э. Эриксон, Дж. Марсиа), *символический интеракционизм* (Г. Мид, Ч. Кули, Ю. Хабермас), *когнитивный подход* (Г. Тэджфел, Дж. Тернер, Д. Абрамс), *феноменологическая социология* (М. Хайдегер, Т. Парсонс, Г. Салливан), *бихевиористический подход* (М. Шериф, С. Шериф), *конструкционистский подход* (Ф. Барт, П. Бергер, Т. Лукман). К наиболее значимым подходам к трактовке и анализу идентичности относятся: 1) психоанализ З. Фрейда, Э. Эриксона, Дж. Марсиа; 2) символический интеракционизм (Л. Краппман, Дж. Г. Мид); 3) когнитивно-ориентированный подход, в русле которого осуществляли свои исследования Г. Теджфел, Дж. Тернер, Г. Брейкуэл, М. Яромовиц.

Концепт идентичности рассматривается в русле таких направлений, как философия жизни (Г. Зиммель), психология сознания (У. Джеймс), психоанализ (З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон), гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс), когнитивная психология (Г. Брей, Г. Тэджфел, Дж. Тернер). В рамках символического интеракционизма была выявлена роль социальных отношений в формировании идентичности и показана неоднозначность окружающей реальности. Идентичность была рассмотрена как диалог в работах Дж. Г. Мида. И. Гоффман обосновал теоретико-практическую значимость политики идентичности. В рамках теории социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман обосновали содержательную и стилистическую корреляцию идентичности человека от конкретного общества.

Становление и функционирование идентичности в условиях повседневности проанализировано в работах М. Бахтина, П. Бурдьё, А. Шютца, Р. Уильямса. В рамках гендерной теории исследования идентичности как социальной ценности представлены в концепциях различия Л. Иригарэ, «номадической идентичности» Р. Брайдотти и перформативной женской субъективности Д. Батлер. Культурологические исследования чаще всего обращаются к проблеме национальной идентичности (Т. Эденсор, Д. Хатчинсон). Философский аспект языка, его роль в структуре субъективности вообще и идентичности в частности рассматривается Э. Бенвенистом и Ю. Кристевой.

В социологии идентификация рассматривается как один из наиболее значимых процессов, позволяющих человеку социализироваться. Можно выделить несколько основных социологических подходов к исследованию проблем идентичности, а именно: функционализм и структурный функционализм (Э. Дюркгейм,

Т. Парсонс), символический интеракционизм (Ч. Кули, И. Гоффман), феноменологическая социология знания (П. Бергер и Т. Лукман), интегративный подход (П. Бурдьё, Э. Гидденс). Наиболее близок к социологическому анализу методологический подход Г. Теджфела и Дж. Тернера, в котором указывается, с одной стороны, диалектическая взаимосвязь личностной идентичности и социальной, а с другой – некоторый их антагонизм. В рамках социальной психологии идентичность зависит главным образом от социального окружения, а также от когнитивной и эмоциональной оценки индивида в адрес «значимых Других».

В рамках структурного функционализма идентичность принято рассматривать как характеристику индивида, формирующуюся в процессе интериоризации социальных норм и ценностей и передающуюся последующим поколениям в процессе социализации. Сторонники феноменологического подхода к анализу идентичности интерпретируют её как совокупность интерпретационных значений и смыслов. Интегративный подход исходит из многомерности самосознания, в котором социальные и личностные факторы находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Представителям интеракционизма присущ взгляд на идентичность как на процесс, в основе которого лежит рефлексия индивидом характеристик взаимодействия с окружающими «другими».

Понятие «идентичность» вошло в активный научный оборот благодаря социальной психологии, получив разные смысловые наполнения в рамках трех концептуальных подходов: психоанализа, символического интеракционизма и когнитивно-ориентированной теории. В частности, представитель психоаналитического подхода Э. Эриксон отмечает, что в содержании социальной идентичности преобладающее и зачастую решающее значение имеет ценностная составляющая этого феномена. В работах Дж. Марсиа обосновывается темпоральный подход к анализу идентичности, подчеркиваются её динамизм, акцентируется внимание на нелинейности процесса идентификации [17].

Несмотря на обширный круг работ, посвященных исследованию различных аспектов идентичности, на периферии исследовательского внимания остаются многие вопросы, касающиеся особенностей идентичности как социальной ценности. Недостаточно раскрыты причинно-следственные связи и критерии кризиса идентичности.

Исследование идентичности восходит к работам доктора Гарвардского института У. Джемса,

который в 1890 г. в работе «Принципы психологии» сформулировал концепцию осмысления личностью факторов самотождественности и нахождения своего места в мире. Джеймс концептуализировал положение, в соответствии с которым самосознание человека находится в двух плоскостях: 1) в личной (I), формирующей самотождественность, 2) в сверхличной (Me), на уровне которой генерируется социальное Я человека. Эти две плоскости образуют относительно устойчивую целостность (self).

Понятие идентификации в смысле отождествления впервые употребил З. Фрейд в работе «Массовая психология и анализ человеческого Я». Им автор маркировал наличие эмоциональной связи с иным лицом. В социальной литературе идентификация обрела более широкое значение, обозначая имитацию, стилевое подражание, копирование, заимствование и ценностно-мировоззренческое уподобление объекту. Если идентичность отражает конкретно-исторический итог самоотождествления, то идентификация – это процесс, предваряющий идентичность.

В работе «Бегство от свободы» Э. Фромм проанализировал возникновения идентичности того или иного типа. По его мнению, идентичность возникает в процессе осознания индивидом принадлежности к некой социальной структуре и своего места в ней. Идентичность локализирует человека в определённой социальной нише, что позволяет использовать поведенческие шаблоны и стереотипы данной ниши, избегая бытийственной неопределённости, двусмысленности, фобий и фрустраций.

Существует несколько концептуальных подходов к исследованию идентичности – в частности, в зависимости от того, какое место занимает проблематика идентичности в общей интерпретационной системе. Сквозь эту призму различают подходы, в которых понятие идентичности еще не было центральным, но уже имело определенное место в системе знания, а также подходы, в которых идентичность является одним из ключевых понятий. Другое основание классификации – описательная традиция [17, с. 12].

Ключевая идея теории идентичности Г. Тэджфела – существование определенного социально-поведенческого континуума, на одном полюсе которого находятся формы (способы, стили) интерактивного обмена, а на другом – взаимодействие индивидов как представителей тех или иных социальных общностей. Если первый вариант актуализирует личностную идентичность, то второй генерирует идентичность социальную. Поскольку основным мотивационно-целевым ориентиром индивида

является достижение положительной самооценки, то он будет отдавать предпочтение межгрупповым формам поведения (актуализируя социальную идентичность) в том случае, если это – кратчайший путь в достижении упомянутой цели. Если же цель вполне достижима на уровне межличностного общения (актуализируя личностную идентичность), то потребность в социальной идентичности сводится к минимуму.

В своей *теории группового поведения* Дж. Тернер отказался от мотивационного фактора, отдав предпочтение когнитивной теории самокатегоризации. Важная особенность состоит в том, что между общечеловеческими, социальными и личными уровнями идентичности вполне возможен (и чаще всего имеет место) функциональный антагонизм. Иными словами, предписания (рекомендации, требования, предпочтения и т. п.) личной и социальной идентичности могут противоречить друг другу, конфликтовать между собой и даже быть несовместимыми.

Представители когнитивного направления интерпретируют социальную и личностную идентичности во многом как взаимоисключающие понятия. Показательным примером может служить трактовка М. Яромовиц соотношения личной и социальной идентичности, методический инструментарий для его исследования и анализ последствий разных типов данного соотношения. В целях эмпирического исследования личной и социальной идентичности М. Яромовиц разработала «Опросник социальной перцепции» («Questionnaire of Social Perception»), состоящий из 70 положительных черт. Он предлагается испытуемому трижды со следующими инструкциями:

1) отметить из предложенного комплекса свойства, которые с точки зрения испытуемого является атрибутом представителей своей группы, а потом из них отобрать десять;

2) отметить из предложенного комплекса свойства, которые, с точки зрения испытуемого, присущи представителям другой группы, а потом опять-таки из них отобрать десять наиболее часто встречающихся;

3) отобрать десять черт, специфичных лично для себя.

Таким образом, исследователь получает три комплекса черт из десяти пунктов каждый и отбирает свойства, которые при сравнении не повторяются. Набор специфичных черт, оставшийся после сравнения ингруппы и аутгруппы («Мы–Они») иллюстрирует социальную идентичность, а набор специфичных черт, оставшихся после сравнения себя с членами ингруппы («Я–Мы»), отражает личностную идентичность.

Социальная идентичность – это осознанное самоотнесение к социальным группам, рассматриваемым как «свои» или «значимые» и принятие свойственных им норм, ценностей и моделей поведения, в наибольшей степени отвечающих потребностям индивида, перспективам его адаптации и социализации. Социальная идентичность превалирует у тех, у кого высокий уровень различий при сравнении «Мы–Они» и маленький – по результатам компаративного анализа «Я–Мы». Личностная идентичность, напротив, доминирует у тех, у кого высокий уровень различий при сравнения «Я–Мы» и маленький – при сопоставлении «Мы–Они». Чем выше уровень различий, тем сильнее выражена идентичность. М. Яромович обосновала тезис, согласно которому незначительный уровень различий Я от Мы соотносится с недостаточно развитой способностью воспринимать потребности и цели других людей (Они) и, напротив, способность осознавать и учитывать потребности и цели членов аутгрупп свидетельствует о наличии умения дифференцировать себя от членов своей ингруппы.

В русле социальной философии особенно важен и ценен семантический аспект понятия «идентичность», ключевые направления его интерпретации. Большое значение имеет выявление проблемных полей идентичности, генезис семантических параметров этого феномена. Изначально идентичность ассоциировалась с единством и тождественностью. Тесная коррелятивная связь понятий «субъект» – «идентичность» привела к отсутствию консенсуса по поводу происхождения понятия «идентичность». Одни исследователями настаивают, что впервые «идентичность» как осознание индивидом своей бытийственной суверенности было употреблено Д. Локком. Другие исследователи отдают пальму первенства в употреблении этого термина У. Джеймсу. Ещё одна часть исследовательского сообщества настаивают на первенстве концепции перцептивной идентичности З. Фрейда. По мнению Е. Трубиной, «если начало исследований идентичности принято связывать с работами Локка и Юма, то максимально широко этот термин стал использоваться в середине XX века в Северной Америке после публикации книг «Одинокая толпа» Рисмена и «Идентичность и тревога» Штейна» [15, с. 26–27].

Мировоззренческая традиция классической европейской философии от Платона и вплоть до Канта рассматривала субъект как единый самотождественный субстрат. В XIX в. единство «Я» распалось на отдельные профильно-бытийственные сегменты, которые подлежали

автономному рассмотрению. Так идентичность оказалась в сфере интересов различных отраслей знания – философии, антропологии, психологии, социологии. Это повлекло за собой проблему понятийного аппарата: многие термины («Эго», «Я-концепция», «self», «самость», «самосознание», «идентичность») часто используются как взаимозаменяемые синонимы либо же, в зависимости от научной дисциплины, имеют существенно разное содержательное наполнение, смысловые акценты.

Содержательную эволюцию понятия «идентичность» основательно рассмотрел З. Брандт: «До появления в русском языке этого слова использовалось слово «тождество», обозначающее соответствие, совпадение с кем-либо или чем-либо. Латинский смысл этого термина и его традиционное значение указывают на фундаментальнейшую и сугубо философскую (метафизическую) проблему: проблему тождества, проблему того, что нечто есть именно это, а не иное, что оно есть по истине, в сущности...» [5, с. 27–28].

Истоки смысловой амбивалентности идентичности, – настаивает П. Рикер, – содержатся уже в семантической структуре слова: «Сообразно латинским словам «idem» и «ipse» здесь накладываются друг на друга два разных значения. Согласно первому из них, «idem», «идентичный» – это синоним «в высшей степени аналогичного». «Тот же самый», или «один и тот же», заключает в себе некую форму неизменности во времени. Их противоположностью являются слова «различный», «изменяющийся». Во втором значении, в смысле «ipse», термин «идентичный» связан с понятием «самости», тождественности самому себе. Эмблемой противоположности здесь могут быть слова «другой», «иной». Такое значение отражает непрерывность, устойчивость, постоянство во времени – как любил повторять И. Кант, *Beharrlichkeit in der Zeit*. Итак, смысловой компендиум идентичности содержит аспекты, с одной стороны, постоянства (идентичность как «самость», верность самому себе), а с другой, – изменения (идентичность как «аналогия», подобие чему-либо).

Эпоха Нового времени прошла под знаком принципа «суверенного мыслящего субъекта», способного к сознательным действиям. Её неотъемлемым атрибутом является личностная идентичность как тождественность индивида самому себе. Идентичность как «самость» – ключевой императивный признак концепции мыслящего субъекта Р. Декарта и, в частности, его идеи «*cogito*» как мыслящей субстанции. По убеждению Декарта, индивид способен адекватно познать мир и преобразовать действительность на

разумных началах в том случае, если, во-первых, обладает разумом, во-вторых, ему присуща целостность сознания и он пользуется адекватным методом. Человек Декарта – это целостная субстанция, являющаяся критерием Истины и Смысла.

В отличие от Р. Декарта Дж. Локк относился к возможностям разума более скептически. По мнению Локка, априорные недостатки разума способен компенсировать опыт как универсальный источник знаний. Сфера опыта структурирована Локком на два уровня – внешний (обретённый в результате взаимодействия с миром) и внутренний (как результирующий эффект мыслительной деятельности). Рефлексия является ключевым звеном взаимодействия двух уровней опыта и организующим принципом познания. Что же касается перспектив целостности индивида, то они пребывают в непосредственной зависимости от идентичности как осознания индивидом непрерывности и тождественности собственной личности во времени и пространстве.

Как резонно замечает Г. К. Сайкина, «каждая эпоха делает ударение на определённом аспекте идентичности и идентификации. В частности, классическая философия акцентировала внимание на тождестве человека самому себе. В этой системе координат «Я» самодостаточно: это инстанция, способная противостоять социальному влиянию извне» [14]. Постепенно акцент с идентичности как самоидентичности был перенесен на идентичность как результат взаимодействия с внешним миром. Такая идентичность – это уже не самоидентичность, а аналог чего-либо. Социальные предписания в виде норм, табу и ценности объективно ограничивают свободу человека, а посему приводят к конфликту и деструкции личности. В этом аспекте показательна концепция Ж. Лакана, посвящённая индивиду, лишённому целостности. Лакан обосновывает неизбежность в современных условиях децентрированного субъекта, основными характеристиками которого являются мировоззренчески-мотивационная фрагментарность и нетождественность себе.

Несмотря на кажущуюся преемственность идентичности с такими понятиями, как «личность», «Я» и «самосознание», её смысловые параметры обладают существенными отличиями. В частности, если в случае самосознания внимание акцентируется на осознании себя как Я, на соотношении себя с самим собой, то в понятии идентичности – на отождествлении и соотношении себя с Другим. Субъектность акта идентификации сосредоточена в Другом, который зеркальным образом делегирует индивиду идентичность [3, с. 172]. Однако

принцип реализма в этом случае выдвигает два замечания-требования. Во-первых, любое отражение – это не оригинал, а его более или менее удачная копия. Во-вторых, делегированную (зеркальную) идентичность не следует принимать за чистую монету: это «дареный конь» из разряда тех, кому «в зубы смотрят» – при помощи преимущественно критической рефлексии (конечно же, если такая имеется в наличии).

Следует признать, что понятие идентичности как «рассмотрения себя в зеркалах сущностной соотносённости с Другим» априорно (а тем более – апостериорно) содержит источник кризиса идентичности, поскольку в этом случае идентичность предполагает некую степень несамотождественности. В такой системе смысловых координат идентичность акцентирует внимание скорее на невозможности иметь устойчивую самость – это даже нечто оппозиционное по отношению к «Я», к самосознанию, к личности. Трудно не согласиться с тезисом, что современные техники манипулирования сознанием используют уже не столько инструментарий символического насилия, сколько ресурсы *soft power*, средства и потенциал соблазна: «Интерииоризация социальных норм осуществляется в акте покупки и потребления» [10, с. 178]. Как резонно заметил Г. Маркузе, люди *узнают себя* в окружающих предметах потребления, *прирастают душой* к автомобилю, стереосистеме, бытовой технике, обстановке квартиры [13, с. 272].

Подобная «зеркальность» является атрибутивным (если не императивным) признаком современной социальной реальности, представляющей собой комнату из зеркал, в которой каждый элемент социальной системы находит множество отражений. Причём часть из них является даже отражением не непосредственным, а опосредованным – своеобразной «копией копии» Ж. Бодрийера. На этом принципе оптических координат основан акт идентификации: человек рассматривает себя в Другом, как в зеркале. Проблема состоит в том, что при таком бытийственном статус-кво подспудно возникает соблазн или даже автоматизм действия уподобить себя отражению, поставить знак равенства между Я и Другим, не отдавая себе отчёт в том, что Другой – априори не-Я и не делать поправку на то, что отражение всегда в той или иной мере искажает реальность, являясь – в лучшем случае – более-менее адекватной копией реальности.

Происходит ускоренное становление *Homo addictus* – Человека зависимого. Такой мировоззренческий и бытийственный поворот содержит множество проблемных аспектов.

В частности, «аддиктивная идентичность игнорирует, что человек является не виртуальным образованием, а биологическим существом, живущим по определённым психобиологическим законам. Аддиктивная личность живет в виртуальном мире, руководствуясь «мышлением по желанию», которое вытесняет реальное восприятие себя и окружающего мира. В результате аддиктивный индивидуум пренебрегает психобиологическими законами, необходимыми для выживания. Аддиктивные индивидуумы относятся к себе скорее не как к живой экзистенции, а как к машине, которую при необходимости можно «починить», заменить какую-то из ее частей и т. п.» [8, с. 13].

В определенном смысле механизм идентификации осуществляет мистификацию социальной реальности: человек превращается в абстрактное существо, а общество – в знаковую структуру с выхолощенной человечностью. К слову, идентификация как уподобление и подражание парадоксальным образом скрепляет безразличных друг другу людей в общество. Весьма показательны, что П. Бергер и Т. Лукман в «Социальном конструировании реальности» произвели сущностную демаркацию «общества как объективной реальности» и «общества как субъективной реальности». При этом идентичности как таковой у современного человека нет, но благодаря актам идентификации выстраиваются виртуальные социальные связи, которые выглядят как «индивидуализированные», поскольку непосредственно затрагивают человека [2, с. 108].

Кризис идентичности оказался бы не столь значимым и драматичным, если бы идентичность не находилась в непосредственной и существенной коррелятивной связи с обществом. Но поскольку это соответствует действительности, то случайность (ситуативность, конъюнктурность) современной идентичности объективно и закономерно приводит к случайности (ситуативности, конъюнктурности) современного общества. В работах З. Баумана, С. Жижека, Э. Лакло, Ш. Муфф аргументов и иллюстраций на сей счёт можно найти предостаточно. Если общество свести к intersubjective отношениям, то оно

действительно может утратить параметры объективной фактичности и обрести вид чего-то случайного, наподобие «сообществ-вешалок» З. Баумана. Это – малопривлекательный мир «кратковременных собраний вокруг гвоздя, на который одинокие люди вешают свои индивидуальные страхи» [1, с. 45]. Франсуаза Саган именно для таких случаев приберегла своё меланхоличное «Здравствуй, грусть».

Впрочем, не следует сбрасывать со счетов, что даже идентичность в виде иллюзии и пародии обладает определёнными позитивными качествами: фантазм такой идентичности создаёт эффект реальности общества. Пусть абстрактно и виртуально, но общество обретает в лице современного человека осязаемые и значимые параметры. С точки зрения С. Жижека, «понятие социального фантазма является необходимым дополнением понятия антагонизма; фантазм – это способ, при помощи которого маскируется пропасть антагонизма [9, с. 132].

Идентичность эпохи постмодерна является результатом и следствием принципа симуляции, в сфере действия которого все знаки могут обмениваться друг на друга, но не подлежат обмену ни на что реальное. Аргументированно возразить Ж. Бодрийяру практически невозможно: «В наше время все разобщены и безразличны ко всему под влиянием телевидения, автомобиля и передач масс-медиа. Все выстроены в ряд, и каждый бессознательно отождествляет себя с умело расставленными направляющими симулятивными моделями» [4, с. 157–158]. Ж. Липовецки резонно уподобляет современное общество «эре пустоты», увязывая феномен пустоты с персонализацией, содержащей крайне важную двусмысленность, обусловленную тем, что слово «персона» во французском языке также означает «никто». Таким образом, современная персонализация – это, как ни странно, опустошение, обезличивание и превращение человека из *некто* в *никто*. Парадокс и трагикомизм состоит в том, что чем больше наш современник стремится к самовыражению, тем меньше «в сухом остатке» личностной выразительности и тем больше анонимности, инкогнито, иллюзий, пустоты идентификационного искажения и несоответствия [12, с. 122–123].

Список використаних джерел

1. Бауман З. Текущая современность / Бауман З. ; пер. с англ. ; под ред. Ю. В. Асочакова. — СПб. : Питер, 2008. — 240 с.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Бергер П., Лукман Т. — М. : «Медиум», 1995. — 323 с.
3. Бибихин В. В. Узнай себя / Бибихин В. В. — СПб. : Наука, 1998. — 496 с.

References

1. Bauman, Z. (2008). *Liquid Times. Tran. from English. Ed. by Yu. V. Asochakov*. SPb : Piter. [in Russian]
2. Berger, P. (1995). *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow : "Medium". [in Russian]
3. Bibikhin, V. V. (1998). *Learn yourself*. SPb : Nauka. [in Russian]

4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Бодрийяр Ж. — М. : Добросвет, 2000. — 387 с.
5. Брандт З. В. К истории слова «идентичность» / З. В. Брандт — М. : Медиум, 2000. — 212 с.
6. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / Реф. Е. В. Якимовой // Современная теоретическая социология : Энтони Гидденс : Реферативный сборник / Под ред. Ю. А. Кимелева. Серия «Социология». — М. : ИНИОНРАН, 1995. — С. 95—113.
7. Делез Ж. Различие и повторение / Делез Ж. — СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
8. Дмитриева Н. В. Аддиктивная идентичность виртуально зависимой личности : монография / Н. В. Дмитриева, О. В. Дубровина — Ишим : Изд-во Ишимского гос. педагогического ин-та, 2010. — 198 с.
9. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Жижек С. — М. : Художественный журнал, 1999. — 236 с.
10. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология: учебник / Козлова Н. Н. — М. : Ключ-С, 1998. — 156 с.
11. Кон И. С. В поисках себя : Личность и ее самосознание / И. С. Кон. — М. : Политиздат, 1984 — 254 с.
12. Липовецки Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма / Липовецки Ж.; пер. с фр. В. В. Кузнецова. — СПб. : «Владимир Даль», 2001. — 332 с.
13. Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек : исследование идеологии развитого индустриального общества. — М. : Издательство АСТ, 2002. — 526 с.
14. Сайкина Г. К. Человеческая идентичность как элемент современной социальной реальности [Электронный ресурс] / Сайкина Г. К. — Режим доступа : <http://www.antropolog.ru/doc/persons/saikina/saikina4> (13.12.2015).
15. Трубина Е. Г. Рассказанное Я: проблема персональной идентичности в философии современности / Трубина Е. Г. — Екатеринбург : Б. и., 1995. — 152 с.
16. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / Хесле В. // Вопросы философии. — 1994. — №10. — С. 112—123.
17. Baumeister R. Identity. Cultural Change and Struggle for Self / Baumeister R. — N. Y. : Oxford University Press, 1986. — 318 p.
18. Marcia J. E. Identity in adolescence / Marcia J. E. // Adelson J. (ed.) Handbook adolescent psychology. — N. Y. : John Wiley, 1980. — P. 159—187.
4. Baudrillard, J. (2000). *Symbolic Exchange and Death*. Moscow : Dobrosvet. [in Russian]
5. Brandt, Z. V. (2000). *To the history of the word "identity"*. Moscow : Medium. [in Russian]
6. Giddens, A. (1995). *Modernity and Self-Identity*. In : *Modern Theoretical Sociology* : Anthony Giddens. Ed. by Yu. A. Kimelev. Moscow : INIONRAN, 95—113. [in Russian]
7. Deleuze, G. (1998). *Difference and Repetition*. SPb : TOO TK "Petropolis". [in Russian]
8. Dmitrieva, N. V. (2010). *Addictive identity of virtually dependent personality : monograph*. Ishim : Publishing of Ishim State Pedagogical Institute. [in Russian]
9. Žižek, S. (1999). *The Sublime Object of Ideology*. Moscow : Khudozhesvennyi zhurnal. [in Russian]
10. Kozlova, N. N. (1998). *Social and historical anthropology : textbook*. Moscow : Kliuch-S. [in Russian]
11. Kon, I. S. (1984). *In Search of Self : Personality and its Self-Consciousness*. Moscow : Politizdat. [in Russian]
12. Lipovetsky, G. (2001). *The epoch of emptiness. Essays of modern individualism. Tran. from French by V. V. Kuznetsov*. SPb : "Vladimir Dal". [in Russian]
13. Marcuse, H. (2002). *One-Dimensional Man*. In : *Eros and civilization. One-Dimensional Man : study of ideology in developed industrial society*. Moscow : Publishing AST. [in Russian]
14. Saikina, G. K. *Human identity as an element of modern social reality*. Retrieved from : <http://www.antropolog.ru/doc/persons/saikina/saikina4> [in Russian]
15. Trubina, Ye. G. (1995). *The narrated Me : the problem of personal identity in the philosophy of modernity*. Yekaterinburg : L. e. [in Russian]
16. Hösle, V. (1994). The crisis of individual and collective identity. *Voprosy filosofii*, 10, 112—123. [in Russian]
17. Baumeister, R. (1986). *Identity. Cultural Change and Struggle for Self*. N. Y. : Oxford University Press. [in English]
18. Marcia, J. E. (1980). *Identity in Adolescence*. In : Adelson J. (ed.). *Handbook of adolescent psychology*. N. Y. : John Wiley, 159—187. [in English]

Відомості про автора:**Герасименко Микола Володимирович**

warrrier1@ukr.net

Херсонський державний аграрний університет
вул. Рози Люксембург, 23, Херсон, Херсонська
область, 73006, Українаdoi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i6.1309>

Надійшла до редакції: 13.12.2015 р.

Прийнята до друку: 21.12.2015 р.

Information about the author:**Herasymenko Mykola Volodymyrovych**

warrrier1@ukr.net

Kherson State Agrarian University
23 Rosa Luxemburg St., Kherson, Kherson region,
73006, Ukrainedoi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i6.1309>

Received at the editorial office: 13.12.2015.

Accepted for publishing: 21.12.2015.